

Указом Президента Российской Федерации профессор кафедры русского языка **Сакмара Георгиевна Ильенко** награждена медалью Пушкина за большой вклад в изучение и сохранение национального культурного наследия.

С. Г. Ильенко,
профессор кафедры русского языка

О НЕДУГАХ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ («Евгений Онегин» А. С. Пушкина)

*Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтоб Грандисона,
Она Ловласу предпочла:
Но в старину княжна Алина,
Ее московская кузина,
Твердила часто ей об них.*

(А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»)

В истории русской культуры случилось так, что отношение к Пушкину стало одним из критериев оценки морально-эстетического состояния общества. Оставая в стороне государственно-идеологические манипуляции с именем Пушкина и его творчеством, замечу, что были времена, когда имя Пушкина становилось паролем (или, прибегая к пушкинскому выражению, — *шиболетом*) для тех, кто оказывался причастен к жизни духа и гармоническим изыскам.

Но было, как ни грустно в этом признаваться, и другое. Это другое связано с низведением Пушкина с уровня бытия на уровень быта, притом далеко не в лучшем его проявлении. Свидетельств тому много. Не случайно, что эта ситуация оказалась запечатленной и в художественной литературе. Напомню хотя бы «Заповедник» С. Довлатова и роман «Мастер и Маргарита» М. Булгакова. Симптоматичен следующий отрывок из XV главы «Сон Никанора Ивановича»: «...Никанор Иванович до своего

сна совершенно не знал произведений поэта Пушкина, но самого его знал прекрасно и ежедневно по несколько раз произносил фразы вроде: “А за квартиру Пушкин платит будет?” или “Лампочку на лестнице, стало быть, Пушкин вывинтил?”, “Нефть, стало быть, Пушкин покупать будет?”. Но дело не только в этих вульгарно-комических репликах Н. И. Босого. К мотиву сна, достаточно заметному в русской литературе, Булгаков обращается весьма целенаправленно, поскольку в нем предстает вечная тема *поэта и толпы*. Перед читателем выстраивается еще один ряд этой оппозиции, где толпе (массовому сознанию) противостоит не только Мастер и сам Булгаков, но и Пушкин.

Непонимание «Скупого рыцаря» Н. И. Босым, воспринимающим наивно и прямолинейно события пушкинской трагедии, становится своеобразной метафорой художественной иронии, возникающей как реакция на неизбежный конфликт творца, наделенного страстью к

поиску истины и полнотой чувств, с окружающими, не обладающими в большинстве своем ни тем ни другим. Известно, что Пушкин много и мучительно об этом размышлял. Хрестоматийным стало стихотворение «Из Пиндемонти». Но есть и комическое воплощение этих размышлений, которое мы назвали феноменом Грандисона. Грандисон, заглавный герой романа «История Чарльза Грандисона» (1754), принадлежащего перу известного английского писателя XVIII в. С. Ричардсона, предстает в «Евгении Онегине» в трех ипостасях — собственно авторской: Грандисон, *который нам наводит сон*, как герой из круга чтения Татьяны (наряду с Вертером Гете или Вольмаром Сен-Пре Руссо и др.), *совершенства образец* и, наконец, как факт лексикона московских барышень начала века, к которым принадлежала и мать Татьяны. Не читая «Историю Чарльза Грандисона», она воспринимала имя Грандисон как нарицательное, как некий образец светскости и неотразимости. Именно под этим именем вошел в ее сознание объект девичьих восторгов и обожания: *Сей Грандисон был славный франт, игрок и гвардии сержант*. Так же продолжают называть его кузины и много лет спустя: *Кузина, помнишь Грандисона? — Как, Грандисон? А, Грандисон! Да помню, помню, где же он? — В Москве, живет у Симеона*. Пушкин, как известно, многое предвидел, предвидел он, как видим, и устойчивость феномена Грандисона: *Быть может (лестная надежда) / Укажет будущий невежда / На мой прославленный портрет / И молвит: “То-то был поэт”*». Сам же поэт мечтал о другом: *Чтоб обо мне, как верный друг, / Напомнил хоть единый звук*. То есть прочитанное, прочувствованное и осмысленное создание творца должно быть усвоено (а лучше — *духовно присвоено*) читающими потомками. Увы, читающих потомков становится все меньше и меньше. И ситуация в этом отношении в последние годы не улучшается, несмотря

на появление новых интересных учебников по литературе. Более того, наша терпимость к пошлости и нравственной безответственности делает возможным появление многочисленных изданий, способствующих воспроизведению этой самой пошлости и нравственной безответственности.

В отношении же Пушкина создалась парадоксальная ситуация. Поэт, творчество которого предстает как самое изученное, глубоко и тонко исследованное такими крупнейшими филологами, как Б. В. Томашевский, В. В. Виноградов, Г. А. Гуковский, Ю. Н. Тынянов, М. А. Цявловский, Г. О. Винокур, Ю. М. Лотман, Н. Н. Скатов, С. Г. Бочаров и многие другие, оказался в центре не только бытового, но и методического (а правильнее сказать — псевдометодического) опошления, которое продолжается и сегодня. И, пожалуй, в наибольшей степени это касается романа «Евгений Онегин». Свидетельство тому — появление изданий типа «Все произведения школьной программы в кратком изложении. Русская литература» (выделено мной. — С. И.). В них, естественно, представлен и «Евгений Онегин».

Подобные издания воспринимаются почти как сознательная провокация, нацеливающая на торжество феномена Грандисона, а в данном случае феномена «Евгения Онегина», о котором «твердят часто», но читать который (да еще полностью!) совсем не обязательно, тем более, что есть еще и знаменитая опера П. И. Чайковского с таким же названием. Издатели позаботились об умерщвлении живой целостности произведения словесного искусства, без чего оно не может существовать. Как нельзя ощутить обаяния известной картины И. И. Шишкина «Утро в сосновом лесу», показав только одну из сосен, так нельзя воспринять великий пушкинский текст по изложению типа: «Глава I. Евгений Онегин, “молодой повеса”, едет получать наследство своего дяди. Следует биография Евгения Онегина».

(Далее даются несколько строф). Или: «Мать Татьяны решает, что пора пристраивать дочь, а для этого — ехать зимой в Москву, “на ярманку невест”». Следует лирическое отступление о плохих российских дорогах, описание московских пейзажей. В Москве Ларины останавливаются у княжны Алины и “по родственным обедам развозят Таню каждый день”. В родственниках “не видно перемен”: “Все в них на старый образец”. Это уже VII глава (главный ее пассаж). Увы, он очень близок известному пасквилю Ф. Булгарина. Печатавшийся по главам (иногда сдвоенным) роман в стихах поначалу восторженно воспринимался и читающей публикой, и критикой. VII глава со стороны ряда печатающихся критиков получила отрицательную оценку. Более всех глумился идейный и эстетический противник Пушкина — Ф. Булгарин. Настаивая на том, что VII глава не имеет поэтического содержания, он позволил себе в «Северной пчеле» «пересказать» непонравившуюся главу: «Ну, как рассеять горе Тани? / Вот как: посадят деву в сани / И повезут из милых мест / В Москву на ярманку невест! / Мать плачется, сучает дочка: / Конец седьмой главе — и точка!». Именно по этому рецепту передаются в учебных изданиях онегинские главы.

Отдельно (вырванными из контекста) даются так называемые авторские отступления («о любви и дружбе», «о Москве», «философского характера» и т. д.). Иначе говоря, единое художественное произведение расчленяется в своеобразном анатомическом театре: отдельно о времяпрепровождении Онегина, отдельно о детстве Лариных и т. д. В «Евгении Онегине» (в основном корпусе) около 400 строф, в «кратком изложении» (так и хочется написать: «кратком курсе») около 150. И если физически Пушкин был убит Дантесом в 1837 г., то нравственно и эстетически его продолжают убивать кому не лень и сегодня. Для иллюстрации можно привести издания типа «Лучшие сочинения по

литературе для выпускных и вступительных экзаменов».

Если читателю для какой-нибудь цели понадобятся образцы мировоззренческой, этической, эстетической и стилистической беспомощности выпускников современной школы, то лучшего источника не найти. Более вредное и пошлое «собрание сочинений» (с позволения сказать) трудно себе представить. Его невозможно было бы разбирать всерьез, если бы не два обстоятельства: 1) некое равнодушие к подобным «печатным фактам» со стороны филологической общественности и 2) отражение в них неблагополучия в преподавании родного языка и литературы. «Лучшие сочинения», с этой точки зрения, следует назвать зеркалом худших тенденций в обучении отечественной словесности.

Имея в виду это второе обстоятельство, обращу внимание на следующие, наиболее заметные «грехи школы», отразившиеся в «лучших сочинениях».

I. Непонимание специфичности словесного искусства, выразившееся в полном и последовательном отождествлении изображаемого с реалиями действительной жизни, и как следствие — ориентация главным образом на собственно содержательное начало художественного произведения:

История матери Татьяны достаточно трагична: «Не спросясь совета, девицу повезли к венцу». Она «рвалась и плакала сначала», но заменила счастье привычкой: «Солила на зиму грибы, вела расходы, брила лбы». Образ, очень похожий на Коробочку («Евгений Онегин» — энциклопедия русской жизни и в высшей степени народное произведение).

Следующим необдуманном шагом являются взаимоотношения с Ольгой Лариной. Онегин просто так, от скуки начинает ухаживать за Ольгой Лариной, невестой Владимира Ленского. Девушка увлекается Евгением, что естественно вызывает ревность Ленского. Переломным моментом во взаимоотношениях с девушками явилась дуэль Евгения с Ленским

(История любви Евгения Онегина по роману в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин»).

Евгений влюблен, он преследует ее, ищет ответного чувства. Но, увы! Написано письмо, но ответа на него Евгений не получил. И вот наконец они встретились. Какой удар, какое разочарование! Онегин отвергнут: «Я вас прошу меня оставить». «Как будто громом поражен», стоит Евгений и чувствует вдруг внутреннее опустошение, свою ненужность. Вот достойная месть Татьяны (История любви Евгения Онегина по роману в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин»).

Татьяна понимает, что «счастье было так возможно, так близко», что она слишком поспешно, неосторожно поступила, выйдя замуж за нелюбимого человека. Но это признание приходит слишком поздно («Евгений Онегин» — роман, в котором отразился век).

II. Преобладание собственно социологических и сугубо идеологических оценок при разборе художественного произведения, разбавленных иногда крайне наивными «антиидеологическими» курьезами:

Роман «Евгений Онегин» рассматривался в разные времена с политической точки зрения, когда героев делили на «лишних» и «нелишних». Поэму пытались притянуть к революции и социальным потрясениям в России. А это романтическая история о двух влюбленных, о чувствах молодых людей. Тем и дорог нам роман Пушкина. Прелесть поэмы Александра очевидна... (История любви Евгения Онегина по роману в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин»).

На образе Евгения Онегина Пушкин показал путь, которым шла часть просвещенной интеллигенции. С одной стороны, эти интеллигенты отказались прислуживать царизму, критически относились к укладу жизни дворянского общества, с другой — стояли в стороне от общественно-политической деятельности (Образ Евгения Онегина).

Помещичий, крепостнический строй, непосильный труд крестьян и полное безделье помещиков и господ делали несчастными, коверкали жизнь не только крепостных рабов, но и лучших, наиболее чутких из дворян, помещиков («Евгений Онегин» — роман, в котором отразился век).

Пушкин подчеркивает, что скука Онегина происходит от того, что у него не было общественно полезного дела (Молодой герой первой трети XIX века. Онегин и Печорин).

III. Вульгарно-аналитические тенденции в осмыслении текста, проявляющиеся в наборе шаблонных приемов «расщепления» художественного целого, в поиске «главной идеи», делении всех персонажей на «положительных» и «отрицательных» и др.:

Основная тема романа — передовая личность и ее отношение к дворянскому обществу (Образ Татьяны Лариной в романе «Евгений Онегин»).

Болезнью века, болезнью «лишних людей» была «русская хандра». Исследованию этого явления и посвятил Пушкин свой роман («Евгений Онегин» — энциклопедия русской жизни и в высшей степени народное произведение).

Какова же главная мысль, главная идея «Евгения Онегина»? Читая роман, кажется сначала, что автор ничего не хотел доказать, никакой идеи в свой роман не вкладывал. Но если внимательно всмотреться в ту жизнь, которую рисует Пушкин в романе, вдуматься в ту правду, которую он нам показывает, то поневоле приходишь к определенным выводам: неправильно, нехорошо устроена та жизнь, которую описывает Пушкин («Евгений Онегин» — роман, в котором отразился век).

IV. Эстетическая глухота и безразличие к языковой форме художественного текста:

Онегин дает влюбиться в себя Татьяне, долго мучает и терзает ее. Татьяна пишет письмо Евгению с признанием в любви. Девушка задает ему вопрос: «Кто ты... Ангел ли хранитель или коварный

искуситель? (История любви Евгения Онегина по роману в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин»).

Но не следует спешить с выводами, определяя Онегина в разряд «лишних». Для своего круга он не был лишним. Онегин занимал определенное место в светском обществе, где «имел счастливый талант» и возбуждал «улыбку дам огнем нежданных эпиграмм» (История любви Евгения Онегина по роману в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин»).

V. Речевая и композиционная беспомощность в изложении: бедность лексики, многочисленные стилистические огрехи, приверженность к языковым штампам, элементарное незнание текста и т. п.:

Татьяна находится в безнадежном положении: она не может разлюбить Онегина и в то же время убеждена, что он не достоин ее любви (Образ Татьяны Лариной в романе «Евгений Онегин»).

Сюжет «Евгения Онегина» очень прост и хорошо известен. Татьяна сразу полюбила Онегина, а он сумел полюбить ее только после глубоких потрясений, происшедших в его охлажденной душе («Евгений Онегин» — роман, в котором отразился век).

Они или гибнут, как Ленский, и притом в значительной степени по вине своего нейтрального отношения к жизни, или же продолжают жить с опустошенной душой, без надежд на счастье, как Онегин и Татьяна («Евгений Онегин» — роман, в котором отразился век).

Она отвергает любовь Онегина, помня, что в основе его чувства к ней лежит себялюбие, эгоизм (Образ Татьяны Лариной в романе «Евгений Онегин»).

Приведенные цитаты из «лучших сочинений» лишь намекают на пристрастие их авторов к вульгарно-социологическому осмыслению художественного произведения и на их эстетическую глухоту. Полнее

и то и другое проявляется, когда читаешь тексты сочинений полностью.

Между тем художественное творчество для Пушкина — это «союз волшебных звуков, чувств и дум». Не случайно в ранней редакции стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» были строки: *И долго буду тем любезен я народу, / Что звуки новые для песен я обрел.* Поэтому при анализе текста «Евгения Онегина» целесообразнее, например, не пересказывать «историю любви Татьяны и Онегина», а сопоставлять письма двух влюбленных, что ориентирует не просто на содержание, но на внимание к языковой форме, которая, по словам Г. О. Винокура, выступает в художественном произведении и в качестве содержательного компонента.

Комплексный подход к художественному творчеству диктует необходимость исходить из ориентации на целостность произведения, что демонстрировалось в филологической науке неоднократно.

Осмысливая же столь распространенный феномен Грандисона, следует обеспечить создание таких социокультурных и учебных условий, при которых пренебрежение текстом стало бы невозможным ни с нравственной, ни с рационалистической точек зрения. Здесь отнюдь не последнюю роль играет нацеленность при изучении великого произведения (пусть их будет не так уж много!) на его художественную целостность, в понимании которой важную роль играет ориентация на текст, как на единство, требующее так называемого *медленного чтения* (осмысленного, прочувствованного и усвоенного). Это и будет противоядием феномену Грандисона, отнюдь не столь безобидному, как некоторым может показаться, прижившемуся в самых разных срезях нашего современного общества, слишком равнодушно наблюдающего за падением общей гуманитарной культуры.